

Старшие славянофилы о власти и обществе

Нет необходимости начинать статью с общей характеристики славянофильской идеологии и с выделения круга старших славянофилов. Фактически именно взгляды старших славянофилов и дают материал для основных оценок всего славянофильского движения. О сложной системе славянофильских воззрений автор этих строк неоднократно писал в исследованиях разных жанров, поэтому отсылает читателя к наиболее обобщённым своим статьям «Славянофильство» (Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. 1971) и «Славянофильство, западничество и культурология» (Учёные записки Тартуского университета. Вып. 308. 1973), затем неоднократно переиздававшимся; последняя публикация: *Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М., 2003.

Старшие славянофилы (в их главе стояли А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков) понимали под властью всю государственную структуру от царя до чиновников, а под обществом — дворянское сословие в широком смысле, понимали более расширительно, чем, скажем, Пушкин, для которого «общество» чаще всего сужается до «высшего света» (в «Евгении Онегине» Татьяна отвечает герою: «И мог бы в обществе принести вам соблазнительную честь»). Впрочем, и у Пушкина «общество» иногда расширяется, вплоть до круга провинциального дворянства (Онегину необходимо принять дуэльный вызов, чтобы избежать осуждения окружающих: «И вот общественное мнение!»); Пушкин цитирует строку из грибоедовского «Горя от ума», где, однако, речь идёт о столичном дворянстве).

В принципе славянофилы сознательно ограничивали общество дворянством, хотя в середине XIX в. уже насчитывалось несколько значений слова «общество». В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» упоминает даже «крестьянское общество», которое следует по-деревенски произносить «обчествó»; а уж об обществах средних сословий и говорить нечего; то же и в других культурах и языках: например, по-немецки самое понятие «общество» возникло как атрибут среднего сословия (по-немецки «общество» — «die Gesellschaft», слово, образованное от «Gesell» — товарищ, подмастерье). Конечно, при слабом развитии в России «третьего сословия» понятие «общество» применительно к купцам, промышленникам, мещанам использовалось очень редко.

В обеих отмеченных структурах — государственной и общественной (дворянской) — славянофилы усматривали, главным образом, недостатки, особенно когда речь шла о николаевском времени. В откры-

венных письмах Хомякова больше всего достается придворному кругу и правительству. По воцарении в 1855 г. Александра II Хомяков мечтает о привлечении к власти честных и талантливых людей, находившихся при Николае I в пренебрежении; в частности, он уповаet на фигуру генерала Н.Н. Муравьёва (Карского): «Люди, бывшие под опалою или не участвовавшие в системе прошлого времени, — находка. Они способствуют освобождению правительства от той дрянной камариллы (старой дворни), которая наделала столько уже вреда».¹

Не менее суровы отзывы об «обществе», о дворянстве. 26 ноября 1848 г. Хомяков пишет гр. А.Д. Блудовой о России: «... мы все, как общество, — постоянные враги ее (...) мы господа крепостных соотечественников (...) у нас общество деспотическое: это уже никуда не годится». В этом свете Хомяков серьёзно опасается политических увлечений дворянства, которые по самым разным причинам могут помешать обстоятельным социальным улучшениям (ещё в преддекабристскую пору он решительно протестовал против тайных политических организаций: дескать, небольшая группа заговорщиков хочет изменить строй, насильно навязать свои идеалы стране и народу). В конце николаевского царствования он резко критикует петрашевцев и особенно киевское Кирилло-Мефодиевское братство за «политическую дурь» (см. об этом ниже). Здесь чувствуется подспудный страх перед возможной приостановкой и так достаточно замедленных шагов, предпринимавшихся николаевским правительством по выработке программы освобождения крепостных крестьян. Так, впрочем, и получилось: политические акции российского дворянства и, главным образом, вспыхнувшая европейская революция 1848 г. испугали царя и его окружение, и «шаги» были приостановлены.

А основная группа старших славянофилов постоянно ожидала возможных шагов и сама готова была принять активное участие в освобождении крестьян. Лишь братья Иван и Петр Киреевские решительно выступали против. В большом письме к сестре Марии от 17 марта 1847 г. И.В. Киреевский подробно объяснил своё отрицательное отношение к мечтам сестры о ликвидации крепостной неволи (в конце письма брат Пётр приписал и своё согласие с Иваном): конечно, «крепостное состояние должно со временем уничтожиться», но лишь после установления в России «законности судов» и «независимости частных лиц от произвола чиновников», а «свобода без законности» это «зависимость от продажного чиновника вместо зависимости от помещика».²

¹ Хомяков А.С. Соч. Т. 8. М., 1900. С. 149 (письмо к А.И. Кошелеву, конец 1855 г.). Все дальнейшие ссылки на это издание даются непосредственно после цитат (в скобках указываются страницы).

² Киреевский И.В. ПСС. Т. II. М., 1911. С. 242.

Хомяков же всегда ратовал за освобождение крестьян и при Александре II с удовольствием включился в общероссийское движение за скорейшее проведение реформы. Он настаивал на обязательном наделении освобождённых крестьян землёй, однако с её выкупом (см. письмо к кн. В.А. Черкасскому от июня 1860 г.).

А попутно он всегда отмечал «деспотизм» общества, т.е. помещичье-дворянского сословия, и постоянно повторял, что необходимы не политические дела, а нравственное воспитание: «Безнаказанно нельзя смешивать общественную задачу с политической; на это может только решиться революционная Франция (...). Перевоспитать общество, оторвать его совершенно от вопроса политического и заставить его заняться самим собою, понять свою пустоту, свой эгоизм и свою слабость: вот дело истинного просвещения» (письмо к А.Н. Попову от 17 марта 1848 г.).

Из деликатности Хомяков нигде не подчёркивал свою, славянофильскую, обособленность от общей массы дворянского сословия, и получалось, что «мы господа крепостных соотечественников». И лишь иногда славянофил как бы безоговорочно отдалялся от массы и описывал общество со стороны: «Перевоспитать общество, оторвать его... заставить...». В целом же славянофилы были убеждены, что они — особая, пусть и небольшая, группа лиц в дворянском обществе, непоколебимо защищающая крестьян и думающая о духовном развитии России.

А в государственной системе славянофилы выделяли царя как позитивное начало. Он противопоставлялся и придворным, и всему чиновничьему аппарату страны как положительный символ монархического строя. Даже и личность Николая I характеризовалась как бы смягчённо. Не отрицалось, что его эпоха была ужасной для русской культуры («Двадцать лет душили мысль», — восклицал Хомяков в письме к А.Н. Попову от 31 января 1854 г.), но для царя находилось оправдание: «Его ошибки были ошибки в понятиях и в ложной системе, но он был честный труженик» (письмо к А.Ф. Гильфердингу от 1855 г.).

Таким образом, и в структуре власти, и в структуре общества при наличии крупных недостатков всё же выделялись положительные зоны (царь и славянофилы), которые могли бы находиться в дружественных отношениях. Реально же это было совсем не так. Не только правительственные чиновники, но и Николай I относился к славянофильскому кругу с подозрением. Воспринимая славянофилов, прежде всего (по смыслу их названия), как сторонников освобождения южных и западных славян из-под оттоманского и австрийского ига, император видел в этом покушение на законные границы государств и даже на устройство революционных пожаров, которые могут докатиться и до России. Да и во-

обще, царское правительство всегда жаждало рабского повторения в разных вариантах тех идеологических предначертаний, которые спускались свыше, потому любая, самая незначительная самодеятельность вызывала подозрения. Антибюрократический и, в общем, антипетербургский дух славянофильского учения не мог не раздражать правительственные круги. И даже такая невинная формула Хомякова, как отталкивание от «консерватизма в его нелепой односторонности», могла вызвать серьёзные опасения и предположение, несмотря на твёрдые отрицающие заверения славянофилов, о наличии подспудных радикальных, чуть ли не революционных мыслей. Жандармские и полицейские согладатаи всячески пытались в Москве проникнуть в собрания славянофилов, а предварительно, в донесениях шефу жандармов графу А.Ф. Орлову, сообщали о главной задаче слежки: «... у них кроме известной правительству цели должна скрываться какая-нибудь другая. Если бы сего не было, то тогда зачем бы им было бояться и остерегаться». ³ Здесь же заявлено, что «к обществу славянофилов» принадлежал М.А. Бакунин, уж воистину настоящий революционер (дикое сообщение! конечно, Бакунин никогда не принадлежал к тому «обществу!»).

Но таково уж было общее представление о славянофилах, бытовавшее в официальных кругах Москвы, а не только Петербурга. Сам московский генерал-губернатор граф А.А. Закревский (назначен на этот пост в 1848 г.) люто возненавидел славянофильский кружок и был уверен в его тайных революционных замыслах. Когда граф весной 1849 г. получил секретной почтой из столицы список арестованных петрашевцев, то он, как стало известно Хомякову, сказал одному своему близкому знакомому: «Что, брат, видишь: из Московских Славян никого не нашли в этом заговоре. Что это значит по-твоему?» — «Не знаю, ваше сиятельство,» — «Значит, все тут; да хитры, не поймашь следа» (здесь и далее курсивные выделения принадлежат авторам).

Закревскому всюду мерещились революционные заговоры. Даже литературная деятельность славянофилов воспринималась им почти как революционная. 17 июня 1852 г. генерал-губернатор докладывал царю, что цель «этого общества, по словам самих славянофилов, сделать *переворот в русской литературе*» (Хм. сб. С. 152). Закревскому удалось уволить со службы цензора князя В.В. Львова за пропуск в печать (хотя и с изъятиями) славянофильского «Московского сборника» (1852). А еще генерал-губернатор вменил цензору в вину и разрешение издать «Записки

³ Дело «О славянофилах и о магистре Московского университета Никольском» (Публ. и ком. С.А. Шпагина) // А.С. Хомяков: Личность — творчество — наследие. Хмелитский сб. Вып. 7. Смоленск, 2004. С. 143. Все дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте и сокращенно: (Хм. сб. С. 143).

охотника» И.С. Тургенева, где, по мнению стража порядка, «было выражено решительное направление к уничтожению (! — *Б. Е.*) помещиков» (Хм. сб. С. 163; из рапорта Закревского шефу жандармов графу А.Ф. Орлову от ноября 1853 г.).

Любопытна, однако, великая роль семейных связей в правительственных кругах: Львов оказался шурином (т.е. женатым на сестре) могущественных Перовских (Лев — до августа 1852 г. — министр внутренних дел, Василий — оренбургский генерал-губернатор), и шеф жандармов передал Закревскому их просьбу смягчить наказание родственнику; Закревский оправдывался: «... князь Львов, сделавшись цензором, старался войти в связи с Хомяковым, Аксаковым и другими, а потому всегда, как дошли слухи, брал цензоровать представляемые ими книги» (Хм. сб. С. 163), но всё-таки был вынужден исправить формулировку: «князя Львова следовало бы отстранить только от звания цензора, но не удалить вовсе от службы» (Там же. С. 163–164). А если бы у Львова не было родственников среди любимцев Николая I?!

В свете чиновничьих подозрений следует рассматривать и непрерывное раздражение властей по поводу русской одежды и небрития славянофилов. Для последних бороды — признак народности, сближения с крестьянством и купечеством, а для властей после февраля 1848 г. — признак похожести на небритых французских революционеров. И потому могло возникнуть парадоксальное предписание Министра внутренних дел (апрель 1849 г.): «... как дошло до высочайшего сведения, что новый обычай сей (отпускать бороды. — *Б. Е.*) всё более и более распространяется и что у некоторых он происходит от страсти подражания западным привычкам, то Государь Император повелеть изволил, дабы я объявил всем гг. губернским предводителям дворянства, что Его Величество почитает недостойным русского дворянина увлекаться подражанием западным затеям так называемой моды и что ношение бороды тем более неприлично, что всем дворянам предоставлено право ношения мундира, при котором отнюдь не дозволено иметь бороды» (Хм. сб. С. 167–168). Следовательно, славянофилы оказались западными модниками! Но так как в московских донесениях в III отделение неоднократно сообщалось о беседах Хомякова с раскольниками, то в сознании графа Закревского и его присных дворянские бороды вполне могли ассоциироваться еще и с обликом подозрительных для властей хранителей старой веры.

А символика русской одежды тоже расширялась до невообразимых аналогий. В конце 1844 г. Ю.Ф. Самарин сообщал Хомякову о частом посещении салона А.О. Смирновой, с которой он ещё не успел поговорить

о славянофильстве; но её муж Н.М. Смирнов, видный царский сановник и без пяти минут калужский губернатор, знал, видимо, о принадлежности Самарина к славянофильскому кругу: «Теперь он пристаёт к ней (жене. — Б. Е.) и беспрестанно расспрашивает о том, что я говорил, что пишут из Москвы, через кого я веду сношения, чего добиваются славяне, какая разница между голубою и красною мурмолкою».⁴ Вопросы о голубых и красных мурмолках были неспроста: народная одежда интерпретировалась как совокупность тайных знаков, то ли масонских, то ли революционных западноевропейских (например, у итальянских карбонариев были особые тайные знаки в одежде). Поразительно, что борьба властей с народной одеждой и бородами славянофилов продолжалась все последние годы царствования Николая I и перешла в администрацию Александра II, казалось бы, должного забыть, при своем либерализме, про гонения отцовских клеветов, да и самого отца, на внешние знаки славянофилов. По крайней мере, славянофилы были убеждены, что продолжение запретительных инструкций относится к прежней косности чиновничьей бюрократии, а не к облику молодого государя: см. специальное публицистическое письмо, созданное в хомяковском кругу весной 1856 г.: дескать, под видом высочайшего повеления московская полиция предписывает брить бороды и не носить публично «национальное платье».⁵ Увы, имеется предписание шефа жандармов князя В.А. Долго-рукова графу Закревскому от 28 марта 1859 г.: «Государь Император высочайше повелеть изволил: ношение дворянами бород и эспаньолок, когда дворяне в мундирах или в действительной службе, не допускать» (Хм. сб. С. 172). Единственное здесь утешение — не вообще запрет, а лишь во время действительной службы и при мундирах...

Следует однако осознать, что отношение властей к славянофилам не было всегда однозначно резко негативным. Однозначно враждебно к ним относился лишь граф Закревский. А через его голову, обращаясь прямо к петербургским верхам, энергичные А.С. Хомяков и А.И. Кошелев смогли в течение 1855 г., пользуясь «оттепелью» в начале царствования Александра II, добиться снятия цензурного запрета с творений славянофилов, а главное — выхлопотать разрешение на издание славя-

⁴ Самарин Ю.Ф. Соч. в 12 т. Т. 12. М., 1911. С. 152. Все дальнейшие ссылки на это издание (ещё будут ссылки на Т. 7, 1889) даются в тексте и сокращённо, с указанием тома и страниц. О значении переписки Хомякова Самариным в 1844—1845 гг. см.: Цимбаев Н.И. Из истории славянофильской политической мысли (славянофилы и царское правительство) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1985. № 6. С. 52—64.

⁵ См.: Мазур Н.Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье // Новое литературное обозрение. № 6 (1993—94). С. 127—138. Текст письма: С. 136—138.

нофильского журнала «Русская беседа».⁶ И не только при Александре II, даже и при Николае I бывали некоторые колебания.

Выдающийся историк П.А. Зайончковский, занимаясь печальной судьбой киевского Кирилло-Мефодиевского братства, обнаружил в архиве III отделения и частично опубликовал ценную записку «О славянофилах» (она относится, скорее всего, к периоду следствия над организаторами нелегального общества, к весне 1847 г.; в записке упоминается статья К. Аксакова 1846 года). Здесь содержится чрезвычайно положительная оценка патриотической деятельности анализируемой группы: «Славянофилы, занимающиеся утверждением в отечестве нашем языка, нравов и образа мыслей собственно русских, очищением нашей народности от излишних примесей иноземного, в высшей степени полезны: они суть двигатели в государстве — орудия самостоятельности и могущества его...».⁷ Заметим, что автор записки объединяет киевлян с московскими славянофилами, как бы стирает границы, хотя можно было бы говорить и о многих отличиях, прежде всего о чуждости москвичам украинофильства киевлян. Записка почти обходит проблемы сепаратизма и призывает к осторожному отношению властей к украинскому патриотизму участников братства, дабы не возмутить крайними мерами именно сепаратистские настроения киевлян.

Я убежден, что записка составлена М.М. Поповым, управляющим 1-ой экспедицией III отделения, чиновником умным и коварным (именно он пытался идеологически «обрабатывать» по поручению Л.В. Дубельта умирающего В.Г. Белинского). Попов был и одним из самых активных руководителей следствия по делу киевского общества. П.А. Зайончковский считал, что он выполнял волю и предначертания обоих шефов, Орлова и Дубельта. Я бы добавил, что, возможно, Попов и сам в чём-то влиял на начальников, будучи значительно более обстоятельно, чем они, ориентированным в русской литературе и журналистике (до того, как его пригласили в III отделение, он много лет преподавал русскую словесность в гимназиях).

Во всяком случае, киевские кружковцы получили слишком мягкие наказания, чем можно было бы ожидать от приговоров их судей, знающих их украинофильские и сепаратистские идеалы. А страшная кара, постигшая Т. Шевченко (его отправили в солдаты и запретили писать и рисовать), не в счёт: она связана с его сатирическими стихами о царе и царице.

Но относительная мягкость репрессий могла иметь место лишь до 1848 г., когда разразились европейские революции и правительство ста-

⁶ См. главу «Снятие опалы с славянофилов» в кн.: *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 457–483. См. также: *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М.: МГУ, 1997.

⁷ *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М.: МГУ, 1959. С. 129.

до применять куда более суровые меры. Тут и славянофилам доставалось неоднократно, вплоть до запрещения «Московских сборников» в 1852 г. и практически вообще запрещения печататься (для них отменялась московская цензура, все труды нужно было посылать в Главное цензурное управление в Петербурге).

Ю.Ф. Самарин, активнейший из старших славянофилов, имел бы все шансы в 1849 г. загреметь на каторгу, если бы, опять же, не личные, «семейственные» связи, ещё более крупные, чем у князя Львова. Не желая ограничиваться декларациями о патриотизме и значении Москвы, да и вообще ограничиваться теоретическими рассуждениями, он первым из славянофилов, будучи чиновником Министерства внутренних дел и участвуя в ревизии городского устройства Риги, создал серию ярких публицистических очерков, составивших рукописный цикл «Письма из Риги», очень быстро распространившийся в тогдашнем, говоря нашим языком, «самиздате». Самарин ратовал за ограничение сословных привилегий остзейского дворянства, за экономическое освобождение латышского и эстонского крестьянства, резко критиковал притеснения русских граждан и православия. Из-за разных доносов и прямой жалобы рижского генерал-губернатора князя А.А. Суворова, недовольного антинемецкой позицией публициста, Самарин был арестован, препровождён в Петербург, в Петропавловскую крепость, а затем был вызван к Николаю I, внимательно прочитавшему «Письма из Риги» (свидание состоялось 17 марта 1849 г.). Самарин по горячим следам подробно записал весь диалог (см. ХС-ХСIII).

Ясно, императору решительно не понравился антинемецкий дух «Писем» (царю было желательно, наоборот, сближение немцев и русских), он, однако, в своих наставлениях полностью обошёл крестьянский вопрос и притеснение православной церкви. Главное — царь обвинил Самарина в нарушении присяги (использовал без разрешения служебные документы!), в антиправительственной направленности «Писем»: «Понимаете, к чему вы пришли: вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря»... «Вас следовало отдать под суд (...) Вы сами знаете, что вы бы сгнули навсегда» (7, ХСII). Однако Николай I закончил беседу совершенно неожиданно: «Помиримся и обнимемся» (7, ХСII). Это с государственным-то преступником! Царь милостиво отпустил Самарина и приказал ему ехать в Москву успокаивать родителей... Всё дело в том, что Самарин был для царя *свой*: родители «преступника» — видные придворные (матушка — любимая фрейлина императрицы Марии Федоровны); крёстными родителями, восприемниками у купели младенца Юрия были Александр I и Мария Федоровна. Николай не мог этого крестника своего брата и своей матери

отправить в Сибирь... Так что здесь ещё ярче, чем в случае с увольнением князя В.В. Львова, проявилась «семейственность».

С Иваном Аксаковым, арестованным именно в день вызова Самарина к царю, 17 марта 1849 г., Николай I мог поступить куда более сурово — у Аксаковых не было никаких придворных связей. Однако проступок арестованного был несравненно бледнее самаринского, он был как бы вторичным, отражённым: главная причина ареста заключалась в обнаруженной (с помощью перлюстрации переписки Ивана Аксакова с отцом и братом Константином) глубокой приязни Аксаковых к пострадавшему Самарину, а также в твёрдой уверенности, что государь, прочтя «Письма из Риги», сменит гнев на милость (как мы знаем, милость потом была оказана отнюдь не из-за согласия царя с идеями Самарина). Ивана Аксакова почему-то отвезли не в крепость, а в дом III отделения, где на пять дней заключили на квартирной половине шефа жандармов графа А.Ф. Орлова, в столовой зале (!). Николай I не удостоил другого славянофила аудиенции; но по царскому заданию Аксакову были предложены 12 вопросов, на которые требовалось дать развёрнутые ответы. Император внимательно прочитал ответы и сделал ряд помет на полях. Академику М.И. Сухомлинову, автору содержательной статьи «И.С. Аксаков в сороковых годах», удалось в конце XIX в. опубликовать полный текст вопросов-ответов и всех помет Николая I.⁸

Аксаков отвечал умно и сдержанно. Он искренне подчеркнул, что термин «славянофилы» неточен, ибо этот круг лиц, к коим «преступник» причисляет и себя, больше всего занимается российскими проблемами, желая возрождения народности в науке и литературе. А к западным славянам проявляется лишь сердечное участие — как к братьям. Николай I, в течение целого года тревожно переживавший клубок европейской революции и бунтов, раздражённо наблюдавший за социально-политическими движениями западных славян и уже готовивший поход русской армии на подавление Венгерской революции (в помощь Австрии), теперь, в начале 1849 г., куда более резко отнесся к панславистским идеям, чем в 1847, когда судили киевских кирилло-мефодиевцев и когда арестовали, но вскоре выпустили, интенсивно общавшегося с зарубежными славянами молодого славянофила Ф.В. Чицова, хотя, разумеется, и тогда у российских властей не было никаких симпатий к национально-освободительному движению западных и южных славян.

Царь обошёл все рассуждения Аксакова относительно народности и нравственного перевоспитания дворянства, а зацепился за невинную

⁸ *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 499–513. Приводимая ниже заметка Николая I помещена на с. 505.

фразу о сердечном участии к положению западных славян и разразился длинной тирадой: «Потому что, под видом участия к мнимому утеснению славянских племен в других государствах, тмится преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их соседним и частью союзным государствам; а достижения сего ожидали не от Божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России». Как видно, у Николая I не было никакого желания содействовать освобождению западных славян из-под османского и австрийского владычества, наоборот, объединение славян воспринимается как революционное расшатывание законных государств и чуть ли не как разрушение Российской империи! Потому и «тмится преступная мысль» (редкое слово «тмится» Николай явно заимствовал у любимого своего драматурга Н.В. Кукольника, у которого в драме «Торквато Тассо» герой при монологах употребляет рефрен: «И снова всё туманится и тмится...»). А Ивана Аксакова царь велел освободить, вслед за Самариним.

Однако этих двух арестов было достаточно, чтобы за славянофилами потянулся мрачный шлейф правительственной подозрительности. Она, как можно судить по тревожному письму Самарина к Хомякову и К. Аксакову еще от конца 1844 г., существовала и раньше и заставляла старших славянофилов постоянно осторожничать. Сильную тревогу, бесспорно, вызвали аресты кирилло-мефодиевцев в 1847 г. Блестящим образцом самозащиты служит большое послание Хомякова к Самарину от 30 мая 1847 г., конечно, написанное в расчёте на перлюстрацию (Хомяков здесь великолепно эзоповски рассказал об аресте и заключении Ф.В. Чижова: «Он совершил ускоренное путешествие от границы сюда с провожатыми, потом получил квартиру на 12 дней с отоплением, освещением и столом»). Хомяков, конечно же, желал политического освобождения западных и южных славян, но его знания и интуиция подсказывали ему: в верхах этому не сочувствуют, надо быть осторожным. И он как бы отрешивается и от кирилло-мефодиевцев (тем более, что их сепаратизм совсем ему был не по душе), и от политики вообще: «Малороссиян, по видимому, заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость. Когда общественный вопрос только поднят и не только не разрешён, но даже и не близок к разрешению, люди, по видимому, умные хватаются за политику! Это похоже на Одоевского с его приютами. Не знаю, до какой степени было преступно заблуждение бедных малороссиян, а знаю, что бестолковость их очень ясна. Время политики миновало. Это Киреевский напечатал тому уж два года...».

Хомяков сознательно наводит тень на плетень. Он как бы нарочито спутывает первостепенность социального решения крестьянского во-

проса в России с политической проблематикой на Западе. Князь В.Ф. Одоевский с его энергичной благотворительной деятельностью никакого отношения к политике не имел (хотя в свою очередь вызывал сильные подозрения Николая I и его окружения) — просто Хомяков не преминул лишний раз показать свою нелюбовь к «барским» затеям петербургского аристократа.⁹ И ни о какой политике не говорил в печати И.В. Киреевский в 1845 г. (его статьи в «Москвитянине» той поры — культурологические и философские, совершенно вне политики).

Воистину забавно, однако, что всячески подчёркивая своё антиполитиканство, Хомяков чем дальше, тем больше входит в социально-политические сферы. А в отличие от самаринского «самиздата», он начал ориентироваться на прямое обращение к верхам. Пользуясь знакомством с А.Д. Блудовой, дочерью видного николаевского вельможи графа Д.Н. Блудова (главноуправляющего II отделением царской канцелярии, члена Государственного совета и т.д.), Хомяков посылает ей в 1848–1850 гг. свои статьи и резюмирует их в письмах, рассматривая проблемы воспитания, социологии, крестьянский вопрос — явно уповая на передачу мнений и идеалов славянофильского вождя в самые верхние слои российских властителей. Были у Хомякова и прямые прорывы в большую политику. Особенно потрясает по утопичности и по геополитическому благородству его письмо к А.О. Смирновой от 21 мая 1848 г. Автор явно надеется, что адресат передаст содержание письма «наверх» — неясно только, куда и как. Мужу, калужскому губернатору Н.М. Смирнову? Но он тогда, скорее всего, находился в Калуге (рассматривались кляузные дела и доносы на самого губернатора), а сама Александра Осиповна — в Петербурге. Она там могла рассказать о письме Хомякова кому-нибудь и повыше мужа, может быть, и самому императору, благоволившему красавице.

Итак, в напряжённые революционные месяцы 1848 г. Хомяков предполагает возрождение Польши как самостоятельного государства: «Пусть восстановится Польша, во сколько может: Познань с Гданском (Данциг), княжество Галицкое и Краков, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски» (412). И не просто мечтает, а желает закрепить возрождение Польши (и, может быть, создание других государств) юридически: путем всеобщего голосования, где все будут равны. Хомяков предлагает провести, говоря нашим языком, референдум в спорных регионах: «Голоса народные должны быть подаваемы на языке народном, в Польше по-польски, в Литве по-литовски (совершенно непонятно для поляков), в Галиче по-галицки (т.е. почти по-русски). Вся-

⁹ См. о взаимоотношениях старших славянофилов с «аристократом»: *Егоров Б.Ф., Медо-вой М.И.* Переписка кн. В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 251. Тарту, 1970. С. 335–349.

кая область должна иметь право приписаться или к новой Польше, или к соседней державе, или составить отдельную общину под покровительством или без покровительства другой державы. То же право должно быть распространено к славянам Лузании и Шлезии; то же право может быть распространено благородным сеймом Венгерским на славян, хорватов, словаков, руснаков и других» (413).

Конечно, ни при какой тогдашней погоде правительства России и стран Центральной Европы не пошли бы на проведение референдума...

Обратим, однако, внимание, что политические проблемы Хомяков решает, обращаясь прежде всего к народам: к народу и общине в различных национальных областях. Отношения между властями и обществом (дворянским обществом) как бы отодвигаются в сторону. И в самом деле, славянофилов значительно больше интересовали проблемы народной жизни и взаимоотношений народа с властями. В нескольких статьях-рецензиях К.С. Аксакова на вышедшие тома «Истории России» С.М. Соловьева постоянный стержень — упрек исследователю, что он «не заметил одного: Русского народа», ибо пишет только об истории российского государства. А ведь «рядом с Государством существует Земля (...) ... сама история Государства как Государства не может быть удовлетворительна, как скоро она не замечает Земли, народа».¹⁰

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «земля» имеет до десяти различных значений, но Аксаков употребляет единственное — земля (у него Земля!) это народ. И всюду эти два слова синонимичны, употребляются рядом, через запятую.

Народ, Земля соотносятся с Государством (тоже с заглавной буквы!) и даже как бы противостоят ему, но без конфликтного противоположения, а лишь как две стороны одной медали. Не отделяет Аксаков (в чём-то вопреки Хомякову!) и царя от государства, царь — верховный представитель государства. И здесь Аксаковым создаётся один из главных славянофильских постулатов, в разных вариантах потом истолкованных всеми славянофилами и близкими к ним мыслителями (например, М.П. Погодиным): народ выбирает (или призывает) царя и передоверяет ему всю силу власти, оставляя себе совещательно-рекомендательную сферу (силу мнения).¹¹

¹⁰ Аксаков К.С. Сочинения исторические. М., 1861. С. 253, 254.

¹¹ Проблемы, возникающие в связи с понятиями «общее мнение», «общественное мнение», «народное мнение», — особая область, требующая специального рассмотрения. См. исследования, относящиеся к более раннему периоду русской истории: Андреева Т.В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII — первой трети XIX вв. // Власть, общество, реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 7—22; *её же*. Записки императору Александру I М.М. Сперанского, М.Л. Магницкого, Н.С. Мордвинова. К постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 3. С. 49—62.

Царь при этом бесконфликтно соединяется с государством. Вот как тезисно формулирует свою мысль К.С. Аксаков в статье «Краткий исторический очерк земских соборов» (начало 1850-х гг.): «Государству — неограниченное право действия и закона. Земле — полное право мнения и слова (...) ... внешняя правда — Государству, внутренняя правда — Земле; неограниченная власть — Царю, полная свобода жизни и духа — народу; свобода действия и закона — Царю, свобода мнения и слова — народу» (Соч. ист. С. 296). Фактически Аксаков развивает и уточняет знаменитые слова, которые в пушкинском «Борисе Годунове» произносит предок автора боярин Пушкин, обращаясь к царедворцу:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.

В страстном утопическом желании освободить родную историю от насилия и крови, К. Аксаков готов даже Иоанна IV сделать мудрым борцом за единение власти и народа: при этом царе «поняты были отношения Земли и Государства, отношения дружественные, то есть *союз* свободы власти и свободы мнения» (Соч. ист. С. 297). Так, дескать, организовывался Собор, который к тому же включил в свою работу и представителей других сословий: «На этих Соборах присутствуют не только Земские люди, но и духовенство, необходимое для полноты Земли Русской, и люди служилые» (Соч. ист. С. 297). Служилые — состоящие на военной службе, зародыш дворянского класса. Так декларировалось единение всех сословий.

И всё же, в целом, общественно-политическая структура России и в историческом разрезе, и в современности вызывала у славянофилов, особенно у Хомякова, двойственные оценки, т.е. сюда включались и негативные характеристики. В статье «Тринадцать лет царствования Ивана Васильевича» (1845) Хомяков честно показал жестокую натуру Иоанна IV и его основные злодеяния. И особенно много негативных черт, уже применительно к николаевской поре, отмечалось в частных письмах Хомякова и в его стихотворениях. Воцарение Александра II и начало реформ оживило надежды старших славянофилов на осуществление их позитивных постулатов, но непрерывные и неожиданные кончины (братья Киреевские — 1856, Хомяков и К. Аксаков — 1860) лишили их возможности проследить, насколько утопические мечты плохо согласовывались с реальностью.

В.Г. Чернуха подготовила для исследования различных аспектов категории «общественное мнение» в XIX–XX вв. обширнейшую картотеку упоминаний понятия (около 300 карточек).